

А. Камю: оправдано ли убийство в ситуации абсурда?

Научный руководитель – Прокофьев Андрей Вячеславович

Котусов Дмитрий Вячеславович

Кандидат наук

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра этики, Москва, Россия
E-mail: dentor@yandex.ru

Философские размышления А. Камю строятся на определенном мироощущении, которое он сам диагностирует как чувство абсурда. Чувство абсурда оказывается связано с тем, что человек, будучи сознательным существом, не может не искать в мире смысла и разумного основания. Когда надежда на существование последнего терпит крах, человеческая природа кажется глупой и неуместной шуткой. Зачем человеку сознание, которое отчаянно ищет во всем себе соразмерность, осмысленность, если мир объективно человеку несоразмерен? Мир неразумен, и оттого нечеловечен. Нечеловечна природа, которой нет до человека никакого дела. Человек может умирать и захлебываться кровью, ни один листик на дереве, цветок, которым он так восхищался, не обратят на него внимания. Нечеловечен и сам человек, наблюдая за которым со стороны, нельзя не поражаться механической бессмысленности его действий. Человеческое поведение увлекает только тогда, когда мы вовлечены в пространство создаваемых им смыслов, но если посмотреть на него отвлеченно, например на разговаривающего по телефону человека сквозь стекло телефонной будки, станет ясно, насколько же пуста беззвучная мимика его лица. Подобная неудовлетворенность человеческих амбиций, требующих объективного и высшего смысла происходящему, неизбежно рождает ощущение неудовлетворенности и бунт против такого порядка (правильнее даже будет сказать беспорядка) вещей. Вопрос, которым задается французский мыслитель, прост и носит преимущественно этический характер: выводимо ли из чувства абсурда нейтральное или даже положительно окрашенное отношение к убийству? Как себя (самоубийству), так и другого? Этот вопрос можно вполне резонно расширить до наиболее общего: возможна ли вообще какая-то общечеловеческая мораль в мире, лишенном высшего смысла? Не является ли отсутствие этого смысла основанием для единственного вывода о том, что «все позволено»? А. Камю исходит из того, что если мы действительно хотим отрицать положительность убийства, то должны это делать не откуда-то извне (через принуждение общества или божественной воли), а изнутри - исходя из логики самого убивающего. Может ли он, при условии, разумеется, абсолютной честности с самим собой, вывести из абсурдности своего положения доводы в пользу совершения (само)убийства?

Отвечая на вопрос о самоубийстве, А. Камю апеллирует к тому, что последнее прямо противоречит тому бунту, который непосредственно связан с абсурдом. Бунт предполагает несогласие с миром, не отвечающему на человеческие запросы, тогда как самоубийство, напротив, есть подчинение миру. Самоубийца признает бессмысленность мира и вместо того, чтобы назло миру бороться за создание своего собственного смысла, соглашается с этим положением и принимает свою судьбу. Раз в этом мире для меня изначально нет места, рассуждает он, значит, мне не остается ничего другого, кроме как добровольно его покинуть. Абсурд же наполняет жизнь страстью и тем непокорным упрямством, которое никак не позволит принять безмолвие мира и покончить с пребыванием в нем.

Переходя к проблеме оправдания убийства, А. Камю отмечает, что бунт как-никогда объединяет людей. Человек бунтует не потому, что мир бессмысленен, а потому, что эта

бессмысленность есть надругательство над человеческой природой, требующей смысла. Отсутствие смысла есть переход за такие границы человеческой природы, переходить за которые по мнению бунтаря (если он бунтует, то у него обязательно есть это мнение, пусть он и не отдает себе в нем отчета) нельзя. Бунт, таким образом, есть явление глубоко положительное: хоть он зачастую и направлен против чего-то, по сути своей его главная и конечная задача - не уничтожение этого, а сохранение границ человеческого. Бунтарь требует, чтобы человек находился в человеческих условиях и борется за перемены в том случае, если эти условия становятся нечеловеческими. И поскольку история демонстрирует, что такие бунтари даже готовы умирать во имя этой борьбы, мы можем заключить, что ценность человеческого обращения с человеком вообще для них важнее ценности собственной жизни. «В бунте, - пишет А. Камю, - человек поднимается выше себя, и в этом смысле человеческая солидарность носит метафизический характер» [1, с. 24].

Бунт предполагает признание неких неотчуждаемых прав человеческой природы как таковой, переходить границы уязвимости которой не позволено никому: ни миру, ни человеку. Убийство есть такое же нарушение границ человеческого суверенитета, как и безмолвие мира, поэтому оно прямо противоречит духу того бунта, в котором, может быть, ищет своего оправдания. Бунт не защищает одних людей от других, он защищает человеческую природу как таковую. Как отмечает А. Камю, «бунтарь не просто раб, выступающий против хозяина; он - человек, восстающий против мира хозяев и рабов» [1, с. 286]. И в этом смысле бунт, который для совершения справедливости требует устранения хотя бы одной человеческой личности, не может быть оправдан - из действительного бунта во имя человеческого достоинства он превращается в разрушительный произвол.

1.

Источники и литература

- 1) Камю А. Бунтующий человек. // Бунтующий человек. Падение. Изгнание и царство. Записные книжки (1951-1959) : [сборник : перевод с французского]. М.: Изд-во АСТ, 2018.